

ИСТОРИЯ «КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ», ИЛИ КАК ДЕД УЛОЖИЛ ВРАГА ОДНОЙ ЛЕВОЙ

С детства помню тот восторг, который вызывали у меня ордена и медали на праздничном кителе – его дедушка надевал каждый год девятого мая. Я очень гордился, что он воевал и был настоящим героем. Когда я стал постарше, часто расспрашивал отца, как дед получил ту или иную награду. История ордена Красной Звезды – за героизм, проявленный в необычной для танкового радиста ситуации, – одна из самых интересных.

В 1941 году Никифору Лупичу исполнилось шестнадцать лет. Когда началась война, ребятам его возраста вызвали в киевский военкомат, но состав, на котором юноши должны были добираться из своего поселка в столицу Украины, попал под бомбежку. Мальчишкам приказали вернуться домой. Но территория находилась под оккупацией, и только через год парней тайно собрали и эвакуировали в тыл. В декабре сорок второго Никифор Лупич окончил «учебку», получил специализацию радиста и отправился на фронт – под командование генерал-лейтенанта Павла Семеновича Рыбалко в 3-ю гвардейскую танковую армию.

В составе экипажа Т-34 восемнадцатилетний парень встретился лицом к лицу со всеми ужасами войны. Ему довелось пережить гибель командира, жесткие бои с фашистами и гранатометный обстрел, во время которого он получил контузию, напоминавшую о себе головными болями и в мирное время. Война для него закончилась участием в Пражской наступательной операции, в ходе которой от немецких войск была освобождена Чехословакия.

В составе танкового экипажа его награждали неоднократно, но свой персональный орден Красной Звезды он получил весной сорок четвертого года. Дело было так. Их танковую роту расквартировали недалеко от румынской границы. Офицер из разведбатальона, расположенного поблизости, обратился к командиру танковой роты за подкреплением. Дело в том, что ночью планировалась вылазка к немецкому лагерю для взятия «языка», а их радист был ранен. Из-за небольшого роста и худобы именно Никифора Лупича попросили помочь товарищам. Молодой радист, конечно, согласился, но при этом все же разволновался: с одной стороны, поход за «языком» – это интересно, а с другой – очень опасно.

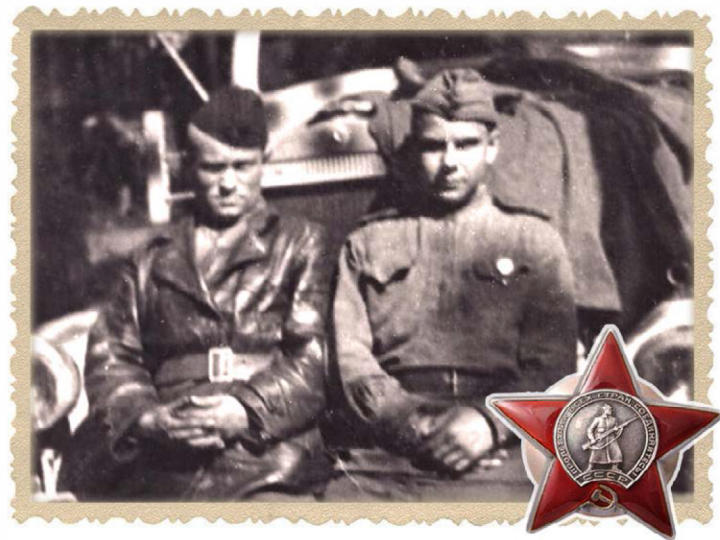
Операция началась с при-

ходом сумерек. Группа выдвинулась в сторону немецкого лагеря и вскоре добралась до небольшой траншеи. Разведчики оставили там радиста с оборудованием, а сами поползли брать «языка». Никифор, неудобно скрючившись в тесном окопе, ждал товарищей. Вскоре совсем стемнело. Парня стало знобить – то ли от волнения, то ли от мороза. Но приказ есть приказ: надо терпеть. Ожидание затягивалось.

Внезапно откуда-то сверху донесся звук шагов. Никифор обвел взглядом темноту – ничего не видно. Но со стороны явно слышался топот сапог, вот уже совсем рядом...

Справа, в проеме траншеи, выросла высокая крепкая фигура. Это был немец. Вразвалку он шел в сторону радиста, вглядываясь в темноту. Заметив в окопе силуэт человека, фашист было потянул руку к кобуре, но вдруг замер, словно передумал, и быстрыми шагами направился прямо к Никифору. Увидев худенького паренька, он, видимо, решил не шуметь и справиться с ним голыми руками. Когда расстояние между встречными сократилось до одного шага, радист вскочил на ноги. Он ощутил, как в висках барабанит кровь, и его левый кулак, опережая мысли, метнулся к лицу немца. Сила удара была такой, что бойцу на секунду показало, что рука куда-то пропала – он ее просто не чувствовал. Никифор посмотрел вперед и увидел врага, неподвижно лежащего на земле. Осторожно приблизился, проверил – без сознания. В ушах стоял какой-то звон, а «немота» в руке сменилась резкой обжигающей болью. Дело в том, что дед был левшой, и эта особенность в свое время сделала его грозой окружи. Когда доходило до драки, он был опасен и непредсказуем.

«На этот раз повезло, даже не верится», – подумал Никифор и метнулся в укрытие проверить на месте ли радия. В этот момент у траншеи снова послышались шаги, а за ними – легкий шепот,

Военные годы. Справа – Никифор Лупич

смешки. По этим звукам Никифор распознал своих. Вскоре разведчики спустились к нему, да не одни, а с «языком». «Во дела!» – удивленно воскликнул один из них, переводя взгляд с распластанного на земле здорового немца на щупленького радиста.

Пора было возвращаться. Так и не пришедшего в сознание крупного фашиста нашим солдатам пришлось тащить на себе в штаб. Это была еще та задачка! Никифора отпустили к своим. В палатке он моментально заснул, но через полчаса его разбудил дежурный, сообщив, что за ним приехала машина из штаба разведчиков.

Едва стоящего на ногах от усталости парня привели в офицерскую палатку. Возле стола, заваленного бумагами и картами, собрались офицеры. Они возбужденно переговаривались, некоторые едва сдерживали смех. Один из офицеров, увидев на пороге радиста, провел его в дальний угол, где на стуле со связанными руками сидел его новый знакомый. Немец медленно поднял опухшее лицо и прищурился, словно стараясь что-то вспомнить. Никифор вздрогнул – он не ожидал снова увидеть своего противника. При свете лампы враг казался еще массивнее, чем тогда, в траншее. Сержант, стоявший рядом с «языком», указал на Никифора и перевел: «Вот он!» Немец еще раз вгляделся в лицо юноши и буркнул что-то невнятное. А офицер, который привел Никифора к немцу, пояснил: «Не верит, что это ты ему «засветил». Мы ж его

еле откачали, когда притащили сюда. Злой, собака, и как воды в рот набрал. Хочу, говорит, увидеть, кто меня вырубил, иначе молчать буду». Немец опустил взгляд, а офицер продолжил, обращаясь к нему: «Не веришь?! Так мы сейчас повторим! Ну, давай, сынок, можешь показать?» «С удовольствием!» – отозвался в миг повеселевший Никифор и подступил к фашисту. Но тот вздрогнул и отчаянно закричал по-немецки: «Не надо, не надо, верю!»

Позже Никифора отвезли обратно к лагерю танкистов. По пути разведчики рассказали ему, что тот «язык», которого они взяли в плен, особой пользы не принес – перепуганный мальчишка не знал почти ничего. А вот великан, которого «уложил» Никифор, может быть очень полезен. Радист только скромно улыбался и потирал кулак – наутро он посинел и жутко болел...

С того дня минуло больше семидесяти пяти лет. Дед ушел из жизни, когда ему было девяносто два года. Мне самому тридцать четыре и кажется, что я многое уже в этой жизни успел. Но все достижения моей взрослой жизни меркнут в сравнении с героическими делами деда в те страшные огненные годы. А ведь ему не было тогда еще и двадцати лет...

Александр ЛУПИЧ,
инженер по автоматизации
и механизации
производственных процессов
УА и МО
Фото из семейного архива